

ПОРТРЕТ

ЗАКЛИНАНИЕ КРАСОТЫ

Апрель 1992

19 апреля 1992 г.

19.03.92

Максимова Е.

Екатерина Максимова родилась, чтобы воплотить наяву непостижимую одухотворенность русского балета. Родилась во времени, которое не приемлет духовность.

Над балетным миром царит максимовская улыбка. Уникальная. Единственная. Словно отпускающая нам все грехи. В ее танце мечта о несказанном становится явью. Все светлые грезы нашей юности отозвались в искрящейся танцевальной дерзости Китри-Максимовой. Она зачаровала собою семидесятые годы, она сияла на сцене - озорная, лучистая и беззаботная!

И из вольной своей юности в вихре фуэте она прорвалась в иной мир - мир тайных духовных откровений. На нас взглянули ее огромные трагические глаза. Сбылось - родилась великая балерина, равная в своем искусстве тому уникальному свету, который воплощен в шедеврах русской культуры.

Боль времени - боль восьмидесятых - она словно приняла на себя, вместила в душе. И эта боль, одухотворенная и живая, вдруг пролилась со сцены мелодией танца Максимовой, шемаящей сердце мелодией ее души...

И ее театральные роли, и ее фильмы - это все отзвук извечной русской обреченности существовать вопреки. Вопреки быту, миру - душа тянется к запретельному, к высшему, жаждет иного бытия. Чеховская неизбывная тоска: "Мы увидим небо в алмазах" - реальнее самой реальности, - и эта тоска-стенание, заклинание Красоты - явь и будаль - для нас единственное оправдание жизни. Единственная данность. И на этом вырастают, этим дышат героини Максимовой.

1990 год. Родился новый театр - Театр танца Кремлевского Дворца съездов. Театр, который она освятила своим именем. И самим фактом этого освящения - щедро, ворохом - раздарила россыпь возможностей молодому коллективу, еще не успевшему пока художественно утвердиться. Ее явление здесь - аванс, залог будущей счастливой судьбы театра. Сбудется ли эта новая судьба... Ведь впереди - новый век!

Сегодня Максимова в новом качестве - балетмейстер-репетитор. Сегодня она - в дерматиновом креслице посреди громадной сцены КДС. Сидит. Ведет репетицию. А может улечься в кресле с ногами, затаившись, поглядывая, свернув душу клубочком. Не фарфоровая и не хрустальная - а теплая и живая.

Это Максимова новая. А та, другая - несравненная балерина - просто затаилась на время. И сцена Дворца, преданная ей, ждет. Ждет покорно... когда же в чудном сиянии глаз вновь вспыхнет летящей птицей ее таинственный арабеск...

Кажется, такая маленькая - меньше ребенка - встает и начинает, будто берет свою собственную жизнь "за грудки", - и такая в ней точность и сила, и власть человека, познавшего свою природу, понявшего свое тело - форму, данную нам здесь, на земле.

Душа Максимовой больше ее физического существа. Несомненно больше, сильнее. Поэтому, наверное, с такой душой проще ей жить в миру, проще ей, проще, что вообще просто?

А просто - встать, подойти к партнеру и показать молодой балерине, к примеру, как надо делать обводку... А где исток движения этого, чтобы в нем родилась энергия и воля... Встает и показывает - и на голой репетиционной сцене расцветает теплый, невообразимо родной ее образ,

словно напевающий вполголоса о несказанном и несбыточном счастье.

О, я хочу безумно жить,
Все сущее - увековечить,
Безличное - вочеловечить,
Несбывшееся - воплотить!

Где вы, Александр Блок, вы видите это? Эти последние, замирающие перед новым рубежом пластические мелодии века, который вы так нечаянно напророчили?

Вочеловечить безличное? И если это вообще в земной власти - какое искусство осмелится...

Катя, какое?

... Сиреневым эластиком облитые руки ее чуть поблескивают... Они вздохнут - эти руки - и устремятся ввысь, подалее от юдоли земной, и вспомнят о "зорях", которыми были напоены души взыскующих Красоты на пороге серебряного века русской культуры... Они вздохнут - эти руки - и вспомнят... и ничего не скажут об этом своей хозяйке. Она танцует. Она ведет балетную историю века к его финалу.

Сколько же было откровений - и каких! Танец XX века. Большой балет! Петербург, Москва - уже неважно, где зарождалась та всеобидительная власть русского искусства, что сжимала сердца всех континентов, - внезапная и неотвратимая, как сердечный приступ. Мир дважды пережил этот "приступ" - русский балет - в начале века и в его середине, на исходе пятидесятых. В шестидесятые-семидесятые хроническая болезнь, хроническая любовь. И всю свою душу - нарасташку - в мир - дарили те, кто героически и порой бессознательно сопротивлялся всею духовной своею сущностью тотальной власти советского социума!

Наш балет был беззащитно-человечен в бесчеловечную безликую эпоху семидесятилетнего "века-волкодава". И всю свою энергию сердечности, теплоты, задушевности русский балет на исходе века сосредоточил в хрупкой бесплотной фигурке маленькой женщины. Балерины.

Да простят мне другие беденные, уникальные таланты, но я люблю ее. Как в детстве васнецовская "Аленушка" была родной, так и образ Максимовой - родной и удивительно близкий. Это образ любимого лица, о котором знаешь: расстанемся когда-нибудь... Обреченность души - телу, обреченность праздника - наступающим будням, обреченность рассвета - сумеркам, а жизни - смерти... Маргарита со всепобеждающей и смертной улыбкой на балу у Сатаны... Одинокая в своем избранничестве душа. Душа, не знающая еще, что ждет ее Покой, а потому растерянная, недоумевающая и страдающая. И опять эта русскость, эта жертвенность души, вбирающей в себя надежность времени, его бремя... и улыбающейся этому времени. Сквозь слезы.

Безрадостный, свинцовый, убивающий век, как ты был прекрасен в своем рождении! Какие песни нашептывали тебе поэты! Блок, Брюсов, Бальмонт и Белый - одним утверждением заглавной своей буквы "Б" - "Будем как ты..."

А рядом - посреди ворожбы Русских сезонов, ворожбы "Мира искусства" - в кругу Дягилев - Вена - Вагст - Фокин - воцарилась Звезда - Анна Павлова, Звезда петербургская и всемирная. На весь двадцатый век хватило энергии красоты, подаренной миру Анной Павловой. В ее чуть отрошенной петербургской грации, горделивой, осознающей свое величие...

балет века, его танец! И эта павловская, реальная, ступающая по земле живая женственность - образ вечной женственности, - преобразившись тайно, отыскала свой новый облик - к исходу века. Она воплотилась в тающем, исходящем жалостью к людям и летящем к вам на руки - прямо в сердце - арабеске Максимовой! Валерини, которая станцевала солнечные чаяния юности века сквозь слезы его закатного отчаяния!

Юная, счастливая, детская улыбка ее всезнающих глаз - как тень невоплотимого на земле счастья. Как призрак разбившейся насмерть мечты. Как прощание.

Катя, какво-то тебе с этим со всем - жить! Держись! держись! Это время уходит! и мы не будем прощания с ним!

Живи! И пожалуйста, еще и еще - в жизнь - в танец - без оглядки, потому что жизнь - танец. А танец - судьба. Судьба века.

Елена ЛАНЕЦКАЯ

Handwritten notes and signatures at the bottom of the page, including "Елена Ланецкая" and other illegible text.